

М. Горький—о демократіи.

М. Горький въ „Новой Жизни“ восстаетъ противъ „худосочнаго истерическаго раздраженія“, съ какимъ, по его мнѣнію, нѣкоторая часть нашей печати говоритъ о демократіи.

Едва-ли не съ первыхъ дней революціи извѣстная часть печати съ яростью людоѣдовъ племени „нямъ-нямъ“ набросилась на демократію и стала изо дня въ день грызть головы солдатъ, крестьянъ, рабочихъ, свирѣло фобичая ихъ въ пристрастіи къ „сѣмьякамъ“, въ отсутствіи у нихъ чувства любви къ роднѣ, сѣнанія личной ответственности за судьбы Россіи и во вѣхъ смертныхъ грѣхахъ. Никто не станетъ отрицать, что лѣнь, сѣмьяки, социальная тупость народа и все прочее, въ чемъ упрекали его—горькая правда, но—слѣдовало „то же бы слово, да не такъ бы молветъ“. И слѣдуетъ помнить, что вообще народъ не мржетъ быть лучше того, каковъ онъ есть, исо о томъ, чтобы онъ былъ лучше—заботились мало.

Это положеніе демократіи вызываетъ озлобленіе съ ея стороны и только на руку демагогамъ въ ихъ стремленіи овладѣть психологіей массъ.

И если нынѣ мы видимъ передъ собою людей, совершенно утратившихъ человѣческую обликъ,—половину вины за это мрачное явленіе обязаны взять на себя тѣ почтенные граждане, которые пытались врываться людямъ культурныя чувства и мысли путемъ словесныхъ вѣдогачинъ и бичей.

Горький призываетъ: будьте человѣчице въ эти дни всеобщаго озвѣренія. Но надежды, что этого призыва послушаютъ.—у него нѣтъ.

Ну такъ будемъ хоть болѣе тактичными и сдержанными, выражая свои мысли и ощущенія. Не надо забывать, что—въ концѣ-концовъ,—народъ учится у насъ злости, и ненависти..

Въ той же газетѣ Горький отвѣчаетъ на упрекъ большевиковъ по его адресу—упрекъ въ немнѣи народу Горький напоминаетъ, что „это никогда не ослѣпляли „превосходныя душевныя качества русскаго народа“.

Я никогда не преклонялъ колѣнъ передъ демократіей, и она не является для меня чѣмъ-то настолько священнымъ, что совершенно недоступно критикѣ, и осужденію. Въ 1911 году, въ статьѣ о „писателяхъ-самоучкахъ“ я говорилъ: „Мерзость надо обличать, и если нашъ мужикъ—звѣрь, надо сказать это, а если рабочий говоритъ „Я пролетарій“!—тѣмъ же отвратительнымъ тономъ челоѣка касты, какимъ дворянинъ говоритъ „Я дворянинъ“!—надо этого рабочаго нещадно осмѣять“.

Теперь, когда извѣстная часть рабочей массы, возбужденная обезумѣвшими владыками ея воли, проявляетъ духъ и приемы касты, дѣйствуя насиліемъ, и терроромъ,—теперь я, разумѣется, не могу идти въ рядахъ этой части рабочаго класса.